

УДК 81'272

ОСОБЕННОСТИ ИМЕННИКА СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАВОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Евгения Владимировна Запольских

магистрант кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. zapolskih.ev@mail.ru

Статья посвящена анализу состава и описанию именника старообрядцев заводских поселений Пермской губернии XIX – начала XX вв. Материалом для анализа стал список мужских и женских имен объемом 1 821 единица, выявленный на основании анализа метрических книг православных и единоверческих церквей прикамских заводов. Для определения специфики и характерных особенностей местного именника было проведено его сравнение с именниками того же периода у православных и староверов других мест проживания.

Ключевые слова: старообрядцы; традиция имянаречения; именник; уральские заводы; Пермская губерния; метрические книги; святцы.

Немногочисленные работы, посвященные исследованию старообрядческой антропонимии, подходят к описанию ее своеобразия с разных сторон: исторической, культурологической, лингвистической, статистической и пр. [Боровик 2019; Кузнецова 2006а, 2006б; Муратова 1994; Назаров 2009; Никитина 2004; Плотникова 2019; Суперанская 1991 и др.]. Так, культурологическое описание предполагает анализ механизмов передачи культурной традиции имянаречения, ее творческого потенциала; лингвистический аспект включает анализ смыслового наполнения имени и его форм, определение способов трансформации имени в живой речи. Цель нашего исследования – анализ состава и статистическое описание именника старообрядцев заводских поселений Пермской губернии, проведенный на материале данных метрических книг XIX – начала XX вв. единоверческих и православных церквей прикамских заводов – см. Метрические книги Камбарского и Юго-Кнауфского (Юго-Осокинского) заводов Осинского уезда, Курашимского завода Пермского уезда, Рождественского завода в с. Ножовка Оханского уезда (ГАПК), а также его сопоставление с данными по другим православным и старообрядческим антропонимиконам того же периода времени.

Первые сведения о появлении на Урале старообрядцев относятся к 1684 г. Особенно много старообрядцев приняли уральские леса после подавления знаменитого стрелецкого бунта

[Пьянков 1863: 2–3, 28]. В.Н. Татищев в 1736 г. говорил о засилье раскола на уральских заводах с самого их основания (см.: [Щаповъ 1859: 285]). Спустя 130 лет после В.Н. Татищева в своем классическом «Обзрении Пермского раскола» архимандрит Палладий сообщает, что на Юго-Кнауфский завод «семена раскола занесены были переселенцами из разных мест России» (то же самое он говорит и о заводе Камбарском) [Пьянков 1863: 22–23, 47]. В «занесении раскола» на Курашимский завод он винит конторских служителей с Юго-Кнауфского, а на Рождественский – с Ревдинского и Невьянского [там же: 34, 38], на который Никита Демидов с разрешения самого Петра I принимал всех без разбора: и православных, и раскольников «отколе бы они ни явились» [там же: 4], поэтому записи о вероисповедании старообрядцев в заводских церковных метриках похожи на лоскутное одеяло. Беглопоповцы, беспоповцы, австрийцы, поморцы, часовенные, странники и пр. «явились» из разных мест с разной верой. Утвержденная Священным Синодом духовная «Пермская миссия» пыталась исправить ситуацию, развернув в губернии политику «присоединения из раскола» к православию/единоверию [Пьянков 1863: 55–58]. Записи о таких эпизодах «присоединения» и были обнаружены нами в рассмотренных заводских церковных метриках (*из раскола, из секты, воссоединен(а) через миропомазание, присоединен(а)... с сохранением прежнего имени* – подоб-

ные пометы послужили нам ориентиром при выявлении непосредственно старообрядческих имен). Соответственно, в выборку имен заводских старообрядцев вошли имена «присоединенных», тех, кто состоял в расколе *из детства*, т. е. имена тех, кто получил имя не в единоверческой/православной церкви, а по старообрядческой традиции (через обряд «домашнего» погружения или пр.) и по старообрядческим святцам. Не учтены в выборке имена изначально православных, перешедших «в раскол» уже в сознательном возрасте. На важную роль старообрядческих святцев указывает А.А. Плотникова, говоря о строгих условиях для поминовения усопших только по «правильным» (т. е. старообрядческим) именам у староверов Латгалии: «имена, которых нет в старообрядческих святцах, в поминовение не записываются» [Плотникова 2019: 53, 57]. Таким образом, «правильными» должны быть и сами имена (из старообрядческих святцев), и их форма (старообрядческая, не православная).

Выборка имен охватывает период в 100 лет (с 1811 г. по 1911 г.) и составляет 1 821 имя, из которых 861 – мужское и 960 – женских. Подсчеты показывают, что заводские староверы при наречении мальчиков обходились набором в 115 имен, а девочек – набором в 73 имени. Подобная диспропорция обращает на себя внимание: несмотря на то что женских имен (с повторами) в метриках зарегистрировано почти на сто больше, в общем именнике (188 имен) они занимают меньшую долю. Иначе говоря, соотношение мужских и женских имен неравное (61% к 39%, или 3:2). Такое соотношение нельзя назвать специфической особенностью именников у старообрядцев в целом. Та же картина наблюдается у старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска (75% мужских и 25% женских имен, или 3:1) [Назаров 2009: 83], у исетских старообрядцев (70% мужских и 30% женских имен, т. е. приблизительно 2:1) [Кузнецова 2006а: 139] и у белорусских старообрядцев Витебской области (64% и 36% соответственно, или приблизительно 2:1) [Муратова 1994: 5]. Преобладание мужских имен над женскими демонстрирует и именник екатеринбургских старообрядцев – 100 мужских имен против 78 женских (56% и 44%) [Боровик 2019: 34]. Исследование православного именника, проведенное В.Д. Бондалетовым на крупных выборках имен новорожденных г. Пензы, выявило ту же закономерность: в период с 1811 г. по 1892 г. соотношение мужских и женских имен на временных срезах примерно в десятилетие колебалось на уровне 2:1 и 3:2 (мужских имен – от 61% до 69%,

женских – от 31% до 39%) [Бондалетов 1983: 118–121]. Объяснение здесь можно привести одно: патриархальные устои в рамках любой конфессии обеспечивали более активную социальную роль именно мужчине.

Выявленные имена в целом соответствуют набору имен из старообрядческих святцев, в чем убеждает старообрядческий месяцеслов-календарь «на 7419 лѣто», т. е. старообрядческие святцы на 1910–1911 гг. (СМК) и еще одни на 1915 г. (СК). Тем не менее отмечаются некоторые отклонения от святцев. Так, имени *Мартелль*, встретившегося однократно в метриках Юго-Кнауфского завода, в указанных святцах не оказалось, но, по всей видимости, в более ранних изданиях оно все же было. Имя *Мартуал* А.В. Суперанская приводит в своем словаре в качестве старого календарного имени (Суперанская: 167); и действительно, в Полном Месяцеслове Востока 1876 г. оно есть в написании *Мартуаль* (Спасский: 143). Аналогичные факты можно привести и в отношении имени *Доментий* – как производное от *Дометий* (Суперанская: 98; Спасский: 124), хотя не исключено, что здесь имеет место народная форма имени *Доментианъ*, которое приводится в старообрядческих святцах. Имя *Соломия/Соломея* может быть разговорным вариантом календарного имени *Соломонія* (Суперанская: 358, 361), если в месяцесловах ранее 1910–1911 гг. оно отсутствовало.

Формы имен в своем большинстве соответствуют тем, которые указаны в святцах. Некоторые исключения связаны с различной орфографией (например, в святцах – *Флоръ*, а в метриках – *Флорь*, ср. также *Стефанида/Стефанюда*, *Феофилактъ/Феофилакть*, *Миронъ/Мѣронъ*, *Анфія/Анвія*, *Феодоръ/Феодорь*, *Андрей/Андрѣй* и т. п.). Метрики отражают вариативность, вызванную законами фонетики: в святцах – *Олимпиада*, в метриках – *Алиппида*, *Марія/Марья*, *Козма/Косма*, *Капетолина/Капитолина*, *Сергій/Сергѣй*, *Емеліанъ/Емельянъ*, *Іосифъ/Іосивъ*. Нередко календарная форма сменяется народным/разговорным вариантом (вместо *Евдокія* – *Авдотья*, *Евсевій/Евсей*, *Іоиль/Ивойло*, *Георгій/Егорь*, *Евфимій/Евѣмъ*, *Иларіонъ/Ларіонъ*, *Іерофій/Ерофей* и т. п.). Можно назвать и самые вариативные из них: *Семеонъ/Симеонъ/Сѣмеонъ/Сѣмионъ/Симіонъ/Семень* и *Іуліанія/Іуліанія/Іульнянія/Іульнянія/Ульнянія*). Главной причиной варьирования имени (как правило, заимствованного) в старообрядческой среде, очевидно, следует считать его адаптацию к фонетическому строю русской речи. При этом верующие стремятся сохранить или имитировать такую форму, которая внешне близка к греческому (византий-

скому) или церковнославянскому образцу. Те же самые принципы вариативности обнаружены и в православном именнике Пензы [Бондалетов 1983: 119–120], и в других старообрядческих именниках [Боровик 2019: 36–37; Кузнецова 2006а: 140; Кузнецова 2006б: 12; Муратова 1994: 13–18; Назаров 2009: 83; 93; Плотникова 2019: 52–56, Толстых 2014: 19]. Среди народных форм, попавших в метрики, обращают на себя внимание те, которые можно назвать «говорящими», к примеру: *Филин-цата* (вместо канонической *Фелицаты*) – как вызывающее ассоциации с зорким филином в ночном лесу; *Сели-версть* (вместо *Сильвестрь*) – как рисующее в воображении картины бескрайних верст полей вокруг селений.

Не последнюю роль в преобразовании формы имени мог играть и православный священнослужитель, который заполнял метрики: он мог записывать имена, как ему было привычно, т. е. как они писались в православных святцах (православная форма *Симеонъ* вместо старообрядческой *Семеонъ*, *Алексій* вместо *Алексѣй*, *Давидъ* вместо *Давыдъ*, *Маріамна* вместо *Маріамія*, *Савва* вместо *Сава*, *Вонифатій* вместо *Внифатій* и т. п. (Спасский; СМК). Этот фактор подметила еще Я.Л. Кузнецова, когда говорила о записи имен староверов православными переписчиками [Кузнецова 2006б: 13]. Если бы метрики вели сами староверы, «унифицированных» форм имен в нашем списке было бы больше, но при сло-

жившихся условиях имеется набор и старообрядческих, и православных форм.

Рассмотрим равномерность использования имен. Средний коэффициент одноименности (СКО), который рассчитывается как отношение числа имяносителей к количеству разных имен [Бондалетов 1983: 80], показывает, что из 115 имен мужского именника при СКО = 7,5 к частым, активно применяемым относятся 22 имени (имена с числом носителей равным или выше СКО), к редким – 93 (число носителей ниже СКО), а из 73 имен женского именника к частым относится 20, к редким – 53 (при СКО = 13,2). Таким образом, доля частых имен в мужском именнике составила 19%, редких – 81%; в женском именнике частых имен 27%, редких – 73% (см. табл. 1).

Итак, имена давались неравномерно. Те имена, что выбирались чаще, составляли меньшую часть возможного репертуара имен. Причем соотношение доли частых/редких имен с долей их носителей практически обратное: 79% родителей мальчиков дали им частые имена, 21% – редкие, а девочек частыми именами назвали 72%, редкими – 28%. Если посмотреть на «ядро» именника (на десятки первых по частотности имен), то мы увидим, что на него приходится больше половины всех имянаречений: 57% мальчиков и 55% девочек получили самые популярные имена (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение частых и редких имен в зависимости от пола

Зона частотности	Мужской именник				Женский именник			
	N	Доля в именнике, %	Нареченных, абс.	Доля нареченных, %	N	Доля в именнике, %	Нареченных, абс.	Доля нареченных, %
Частые	22	19	684	79	20	27	695	72
Самые популярные	10		488	57	10		529	55
Остальные	12		196	22	10		166	17
Редкие	93	81	177	21	53	73	265	28

Напомним, что мужской именник оказался богаче женского, но к большей части этих имен при наречении мальчиков обращались редко. При наречении же девочек, чей именник скромнее, на имена из состава редких выбор падал чаще. Иными словами, концентрация (соотношение количества нареченных и числа их имен) в доле (удельном весе) нареченных частыми именами и десятью самыми популярными именами в мужской части именника была выше, чем в женской.

Такая картина характерна и для других территорий, например Пензы, где к концу XIX в. концентрация в мужской части именника становится наиболее плотной (доля нареченных частыми

мужскими именами возрастает с 79% до 94%, доля нареченных мужскими именами «ядра» именника, т. е. первой десятки, – с 60% до 70%; доля нареченных частыми женскими именами возрастает с 82% до 89%, доля нареченных женскими именами первой десятки – с 56% до 58%) [Бондалетов 1983: 75, 79–80, 118, 151–153, 162]. В именниках старообрядцев других территорий такой плотности не наблюдается. У екатеринбургских старообрядцев более высокая концентрация нареченных самыми популярными именами (пусть и менее весомая, чем у пермских заводских старообрядцев) находится также в мужской части именника (на первые 10 мужских

имен приходится 49,8% носителей, женских – 45,4% носителей) [Боровик 2019: 42]. Однако у старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска более высокая концентрация припала на женскую часть именника (доля нареченных частыми мужскими именами – 61,9% с «ядром» первой десятки – 48,8%; частыми женскими – 80,2% с «ядром» – 59,2%) [Назаров 2009: 87, 92]. Из этого следует, что среди рассмотренных старообрядцев именно у пермских встречалось наибольшее число тезок-мужчин, и вероятность столкнуться на одном дворе сразу с тремя-четырьмя Иванами здесь была выше всего (среди женских имен совпадающих также много, почти столько же, сколько у старообрядков поповского согласия земли Уральского казачьего войска). Что касается православных Пензы, то, в сравнении с пермскими заводскими старообрядцами, выбор имен как для мальчиков, так и для девочек у них был еще менее разнообразен, т. е. тезок было еще больше.

Имя *Ивань*, или, как его чаще всего записывали в метрики, *Йоаннь*, упомянуто выше неспроста, ведь именно оно возглавляет мужской именник: такое имя получили 134 мальчика (15,6%). Между ним и следующим за ним именем впечатляющий разрыв: наречений именем *Григорий* почти втрое меньше – 50 (5,8%). Более того, *Йоаннь/Ивань* имеет первый ранг во всех рассмотренных именниках XIX – начала XX вв., как в старообрядческих [Боровик 2019: 42; Муратова 1994: 9; Назаров 2009: 87], так и в православных [Бондалетов 1983: 81, 118, 146]. Имя *Иван* на протяжении столетий до самой революции почти повсеместно удерживало первенство среди имен русского крестьянства: «каждый пятый был Иванов» [Никонов 1974: 12, 66].

Среди женских имен лидирует имя *Анна* с тем же числом носителей – 134 (14%). У белорусских старообрядцев Витебской области и у исетских старообрядцев оно тоже было самым распространенным [Кузнецова 2006а: 140; Муратова 1994: 9]; у екатеринбургских старообрядцев имя *Анна* занимало второе место по распространенности [Боровик 2019: 42], а у старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска – даже третье [Назаров 2009: 87]. В православном именнике Пензы на протяжении XIX в. имя *Анна* тоже не всегда выходило вперед [Бондалетов 1983: 118, 161].

По наблюдениям В.А. Никонова, работавшего с обширными архивными материалами разных губерний страны, имя *Анна* в середине XIX в. было самым частым среди крестьянок в северной части России, уступая первенство *Евдокии/Авдотье* в черноземной полосе [Никонов 1974:

15–16]. Как видим, для наших широт лидерство имени *Анна* весьма предсказуемо. К тому же, оставание имени *Евдокия*, следующего за *Анной*, по частотности не такое значительное, как у имени *Григорий* от имени *Йоаннь*: наречений *Евдокией* меньше уже только вдвое – 72 (7,5%). Остальные имена в первой десятке женского именника также не столь различны по частоте употребления, как в первой десятке мужского именника: в женском именнике нагрузка на самые частые имена распределена равномернее (см. табл. 2).

Отметим, что самые популярные имена (из первых десятков) стабильно встречаются на территориях разных заводов в составе групп частых имен. Основные различия в именниках разных заводов заключаются в группах редких имен и, особенно самых редких, с 1–2 наречениями (см. табл. 3). Соответственно, набор ходовых имен на заводах был похож один на другой, и можно говорить о достаточно сильном пересечении этих именников в самой частотной их части. Совпадения объясняются устойчивостью традиции выбора имени по святым, а возможно, и тем, что между заводами были тесные взаимосвязи: Курашимский входил в единый производственный комплекс с Юго-Кнауфским (МЗУ: 281, 522), нередко заключались браки между жителями поселков при Камбарском, Рождественском, Юго-Кнауфском и т. п. заводах [Пьянков 1863: 25]. Поэтому не исключено, что совпадения не только в части имен, но даже и в части некоторых фамилий – это как раз «шлейф» тех самых взаимодействий.

В первых по частотности десятках имен у православных и староверов других мест проживания большинство имен соответствует именам заводских старообрядцев: в мужских – 6/7 совпадений, в женских – 7/8 [Бондалетов 1983: 81; Боровик 2019: 42; 118, Кузнецова 2006а: 140; Назаров 2009: 87]. При этом набор совпадающих имен везде разный (чаще всего совпадают имена *Йоаннь*, *Василий*, *Михаиль*, *Петръ*, *Анна*, *Мария*). Меньше всего совпадений в первых десятках женских имен на рубеже веков: четыре – у православных Пензы 1892–1902 гг. и три – у екатеринбургских старообрядцев начала XX в. [Бондалетов 1983: 161; Боровик 2019: 42]. Следовательно, на протяжении XIX в. набор самых популярных имен местных староверов отличался от имен, что были всегда «на слуху» и у православных, и у других старообрядцев, незначительно. Это и неудивительно, ведь старообрядческие и православные святцы, выходя из общего «корня», по составу святых обнаруживают гораздо больше сходств, чем различий.

Частые имена мужского и женского именников

№	Мужской именник	Наре- ченных, абс.	Доля в именнике, %	Женский именник	Наре- ченных, абс.	Доля в именнике, %
1	Іоаннъ/Іоань/Іоаннъ/Івань	134	15,6	Анна	134	14
2	Григорій/Григорій	50	5,8	Евдокія/Евдокія/Авдогья	72	7,5
3	Василій/Василій	48	5,6	Марія/Марія/Марія/Марья	56	5,8
4	Стефанъ/Степанъ	41	4,8	Александра	52	5,4
5	Павель	39	4,5	Татіана/Татіана/Татиана/ Татьяна	41	4,3
6	Михаиль/Михайло	39	4,5	Анастасія/Анастасія/ Анастасія	37	3,9
7	Петръ	38	4,4	Екатерина	37	3,9
8	Іаковъ/Іяковъ/Яковъ	35	4,1	Парасковія/Парасковья/ Параскева	35	3,6
9	Николай	32	3,7	Наталія/Наталья	33	3,4
10	Ѳеодоръ/Ѳеодоръ/Ѳедоръ/Ѳе доръ	32	3,7	Пелагія	32	3,3
11	Александръ	30	3,5	Матрона	24	2,5
12	Аѳанасій/Аѳанасій/Афанасій/ Афанасей/ Афанасій	25	2,9	Ирина	22	2,3
13	Георгій/Георгій/Егоръ	24	2,8	Ѳеодосія/Ѳеодосія/ Ѳеодосія/Ѳеодосія/ Ѳедосья/Ѳедосья	22	2,3
14	Андрей/Андрій	20	2,3	Марфа/Марѳа	17	1,8
15	Семеонъ/Сѣмеонъ/Сѣмионъ/ Симеонъ/Симіонъ/Семень	17	2	Павла	15	1,6
16	Алексій/Алексей/Алексій	14	1,6	Стефанида/Степанида	14	1,5
17	Іосифъ/Іосивъ	13	1,5	Васса	13	1,4
18	Евфимій/Евфимъ/Еѳимъ	12	1,4	Любовь	13	1,4
19	Максимъ	12	1,4	Агрипина	13	1,4
20	Тимофей/Тимѳеѳей	12	1,4	Агаѳія/Агафія/Агафья	13	1,4
21	Димитрій/Дмитрій	9	1,0			
22	Антоній/Антоній/Антонъ	8	0,9			

Имянаречение по святцам определяло состав именника и влияло на частотность имен. Среди заводских старообрядцев бытовала традиция наречения именем святого, день поминаения которого приходился на день рождения (или на 8 день по рождении). Поэтому можно предположить, что наибольшее число именин в старообрядческих святцах у имен *Іоаннъ* (53) и *Анна* (10 – максимальное среди женских) и сделало их в итоге именами с наибольшим количеством носителей. Если проследить соотношение числа дней поминаения святого и частотности его имени в нашем именнике, то можно заметить, что при снижении ранга мужских имен число их именин также постепенно уменьшается: у имен из первой десятки (исключая имя *Іоаннъ*) это число варьируется в пределах от 28 до 7, у остальных частых имен от 17 до 4, у редких от 13 до 1. В женском именнике спад числа именин у имен от самых частых к самым редким выражен не так заметно, но и сами «женские святцы» по числу святых и дней их поминаения ощутимо уступают мужским. Тем не менее, у частых имен (кро-

ме имени *Анна*) в основном по 2–5 дней именин, (в то время как у редких в подавляющем большинстве случаев всего по одному) (СМК).

Таким образом, можно говорить о наличии корреляции между частотностью имен и количеством их именин в святцах, но, разумеется, не полной. Например, в первой десятке мужских имен на третьем месте стоит имя *Василій* с числом именин 13, что значительно меньше, чем у имени *Петръ* (25), которое находится на 7-м месте, и тем более у имени *Ѳеодоръ* (28), которое занимает только 10-е место. В сравнении с другими высокочастотными именами, у имени *Николай* именин не так уж и много – всего 7 (именами св. *Николая* и *Николы* называли одинаково – *Николаями*, поэтому число их именин суммировано). Среди женских имен первой десятки только само наличие имен с числом именин, равным одному, уже вызывает вопросы (это *Татіана*, *Екатерина*, *Наталія*). Удивительно и второе место имени *Евдокія* с двумя днями именин, за которым идет имя *Марія*, у которого их 9. Календарная система имянаречения, как видим, допускала исключения.

Таблица 3

Редкие имена мужского и женского именников

№	Имена	Нареченных, абс.	Доля в именнике, %
Мужской именник			
23	Козма/Козьма/Косма/Косьма	7	0,8
24–25	Романъ, Сергій/Сергѣй	6	0,7
26–29	Андріанъ/Адріанъ, Игнатій, Леонтій/Леонтьій, Сава/Савва	5	0,6
30–35	Авраамъ/Авраамій/Аврамій, Захарій/Захарія, Іоакимъ/Акимъ, Іустинъ, Кирилль, Прокопій/Прокопей	4	0,5
36–47	Доментій/Дементій/Дѣментій, Евсевій/Евсей/Евсѣй, Карпъ, Константинъ, Корнилій, Лаврентій, Макарій/Макарій, Матѣй/Матвѣй, Никифоръ, Потапій/Потапъ, Филиппъ, Феодотъ/Феодотъ	3	0,3
48–57	Вавило/Вавиль, Гавріиль/Гаврило, Даніиль/Даніиль, Діонисій, Евграфъ/Евграфъ, Елисей, Ілія, Левъ, Тарасій, Ѳома	2	0,2
58–115	Акакій, Акиндиъ, Ананій, Анатолій, Анисимъ, Анфимъ, Анфиногенъ, Аполинарій, Власій, Вонифатій, Всеволодъ, Герасимъ, Гурій, Давидъ, Діомидъ, Дометіанъ, Евгений, Евлампій, Евсегній, Емельіанъ/Емельянь, Ермилъ, Ермъ, Ерофей, Ивойло, Ипатій, Ипполитъ, Исай, Іеремія, Іовъ, Іона, Іюда, Кирикъ, Климентъ, Кондратій, Ларіонъ, Мартелль, Митрофанъ, Михай, Мокий, Мѣронъ, Назаръ, Наумъ, Никита, Поликарпъ, Родіонъ, Савинъ, Самсонъ, Селиверстъ, Спиридонъ, Стахій, Терентій, Трофимъ, Феофилактъ, Филаретъ, Христофоръ, Ѳеодуль, Ѳеоктистъ, Ѳлоръ	1	0,1
Женский именник			
21	Анфиса/Аноѣса/Анфуса	12	1,3
22–24	Анисія/Анисья, Евфимія/Евфимія, Клавдія/Клавдія	11	1,1
25–29	Антонина/Антонида, Іуліанія/Іуліанія/Іульянія/Іульянія/Ульянія, Капетолина/Капитолина, Надежда, Ѳекла/Фекла	10	1,0
30–37	Афанасія/Аѳанасія/Аѳанасія/Афанасія/Аѳанасья/Аѳонасія, Гликерія/Гликерья/Гликерія, Евфросинія/Ефросинія/Евфросинья, Елена, Іустина/Іустинія/Іустинія, Ксенія, Маріамія/Маріямія/Маріамна, Ѳеоктиста/Ѳеоктіста/Ѳеоктиста	9	0,9
38–41	Акилина, Евгения, Елизавета/Елисавета, Фелицата/Ѳелицата/Филинцата	7	0,7
42	Варвара	6	0,6
43–45	Аполинарія/Аполлинарія/Аполлинарія/Аполлінарія, Домника, Ѳеодора/Феодора	5	0,5
46–49	Дарія/Дарья, Ольга, Таисія/Таисія/Тайсія, Хіонія/Хіонія	4	0,4
50–58	Августа, Вѣра, Ираида, Марина, Олимпіада/Алимпіада, Поликсенія, Солломія/Соломея, Фотинія/Ѳотинія, Харитина	2	0,2
59–73	Агапія, Агнія, Аноѣя, Валентина, Василисса, Евлампія, Епистимія, Зиновія, Зоя, Мавра, Меланія, Раиса, Соломонія, Софія, Ѳеона	1	0,1

Прежде всего, становление и развитие именника старообрядцев, несмотря на то что сами они считали себя обособленной религиозной группой, протекало в русле общерусской антропонимической системы, чутко воспринимая многие ее тенденции, а в частности – рост/спад употребляемости отдельных имен. Популярность таких имен, как *Василій, Николай, Евдокія* и *Екатерина* была весьма характерна для общерусского именника XIX в. [Никонов 1974: 15–16, 57, 66]. Во-вторых, староверам, как и православным [там же: 13], было не чуждо простое желание назвать ребенка в честь любимых дедушки, дядюшки и т. д. в обход «выпадавших» именин, что влекло за собой увеличение частотности отдельных имен и рост уровня одноименности в целом. В-третьих, немалую роль в этом могли сыграть религиозно-культурные факторы. Например, известно о широком почи-

тании местными староверами *Николая (Никола)* Угодника и его Великорецкой иконы [Традиционная культура Пермской земли 2005: 368, 375]. Также известно и о преклонении перед святым авторитетом *Василія* Великого, на слова которого ссылались при отказе от попов, т. е. от «еретического» никонианского крещения [Ивановский 1892: 172, 176] и по чьему уставу жила Выговская община (беспоповцы) [Зеньковский 2009: 393]. Можно вспомнить и о *Евдокии* Урусовой, которая вместе со всем известной боярыней *Феодосіей* Морозовой (ее имя занимает 13-е место), сравниваемой в старообрядческих текстах с великомученицей *Екатериной* Александрийской, приняла мученический венец, став для старообрядцев образцом истинной веры и твердости духа [Паскаль 2011: 509–512]. Имя *Григорій*, замеченное в десятках популярных имен и у староверов других территорий [Боро-

вик 2019: 42; Муратова 1994: 9; Назаров 2009: 87], занимает такие высокие ранги не только по причине большого числа именин (17): местные беспоповцы, как, впрочем, и все остальные старообрядцы, оставаясь ревнителями старинного благочестия, сохранили еще со времен Древней Руси чрезвычайное почитание Григория Богослова с его поучениями о чине, ибо он «вся состави» [Традиционная культура Пермской земли 2005: 26] (см. также [Зеньковский 2009: 247; Паскаль 2011: 532]). Более выраженное почитание отдельных святых вполне могло побудить назвать ребенка в их честь, что опять же неизбежно сказывалось на частотности соответствующих имен уже вне зависимости от числа их именин в святцах. Ко всему прочему, нельзя исключать и влияния ряда других факторов (личные предпочтения, территориальные/семейные традиции, благозвучность/неблагозвучность имен и т. д.).

Подводя итоги, можно сказать, что и по составу, и по статистической структуре стихийно сложившийся именник заводских старообрядцев Прикамья XIX – начала XX вв. не слишком отличался от других рассмотренных именников того времени, как старообрядческих, так и православных. Очевидная причина этого заключается в общем происхождении их первоосновы – святцев. Основные различия обнаруживаются в самой неустойчивой части именников – группах редких имен.

Список источников

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф.37, Ф.352, Ф.420, Ф.719.

МЗУ – Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2001. 536 с.

СК – Старообрядческий календарь на 7423 – 7424 лѣто, 1915 годъ. М.: Изд. Моск. Старообр. Братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

СМК – Старообрядческий мѣсяцесловъ-календарь на 7419 лѣто, 1910, 1911 гражданскій годъ. Уральскъ: Изд. Уральской Старообр. Тип., 1910.

Спасский И.А. Полный мѣсяцесловъ Востока. Т. 2: Святой Востокъ. / архим. Сергій (Спасский). М.: Тип. Современныхъ Извѣстий, 1876.

Суперанская А.В. Словарь русских имен. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. 448 с.

Список литературы

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Боровик Ю.В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 30–47.

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество / сост. Г.М. Прохоров. М.: Институт ДИ-ДИК: Квадрига, 2009. 688 с.

Ивановский Н.И. Критическій разборъ учения беспоповцевъ о церкви и таинствахъ. Казань: Тип. Императорскаго ун-та, 1892. 380 с.

Кузнецова Я.Л. Женский антропонимикон старообрядцев Исетской волости конца XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2006а. № 7. С. 138–141.

Кузнецова Я.Л. Исетские старообрядческие имена в современном языковом сознании: структура, семантика, прагматика (на материале Первой Всероссийской переписи 1897 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006б. 18 с.

Муратова Е.Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1994. 21 с.

Назаров А.И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.

Никитина С.Е. Об имени собственном в русских конфессиональных группах // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 544–551.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Глав. редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1974. 278 с.

Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. М.: Знак, 2011. 680 с.

Плотникова А.А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 48–60.

Пьянков П.Е. Обзорѣніе Пермскаго Раскола: такъ называемаго «Старообрядства» / сост. А.П. [архим. Палладій (Пьянков)]. СПб.: Тип. дух. журн. «Странникъ», 1863. 272 с.

Суперанская А.В. Имена и раскол: Пересмотр русских имен в XVII веке // Наука и жизнь. 1991. № 1. С. 148–154.

Традиционная культура Пермской земли: к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхоямья (Мир старообрядчества. Вып. 6) / отв. ред. И.В. Поздеева. Ярославль: Ремдер, 2005. 480 с.

Толстых Л.И. Антропонимическое пространство села Верхний Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай (на примере имен собственных) // Никонова Т.Н., Толстых Л.И., Кули-

кова Н.А. Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2014. С. 14–27.

Щаповъ А. Русскій расколь старообрядства. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. 548 с.

**ANTHROPONYMICON OF OLD BELIEVERS
OF PERM GOVERNORATE FACTORY SETTLEMENTS
IN XIX – EARLY XX CENTURIES**

Evgeniya V. Zapolskih

**Master Student, General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

The paper is devoted to the analysis of the composition and the description of the anthroponymicon of Old Believers residing in factory settlements in Perm Governorate in the XIX – early XX centuries. The study is based on the list of male and female names (1 821 names in total) found in metric books of the Orthodox and Edinoverchesky churches of Prikamye factories. For the purpose of revealing peculiar features of the local anthroponymicon, it was compared with anthroponymicons of Orthodoxes and Old Believers from other places of residence referring to the same time period.

Keywords: Old Believers; naming tradition; anthroponymicon; Ural factories; Perm Governorate; metric books; Menologium.